

ЗАГАДКИ

ДРЕВНЕГО

ЕГИПТА

Льюис Спенс

Греческие таинства, элевсинские, вакхические и кабирийские обряды являются всего лишь побегami от основного древа, а именно египетских мистерий.

ТАИНСТВА ЕГИПТА

ЦЕНТРОФИЛИА

Льюис Спенс
**Таинства Египта. Обряды,
традиции, ритуалы**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607585

*Таинства Египта. Обряды, традиции, ритуалы: Центрполиграф; М.;
2007*

ISBN 978-5-9524-2996-3

Аннотация

В книге известного антрополога и фольклориста Льюиса Спенса описано все многообразие мистической и оккультной мысли Древнего Египта, выраженное в тайных магических обрядах. Приводится описание ритуалов, которые отправлялись в египетских храмах, а также сведения о том, как элементы египетских культов были перенесены в другие культуры и в каком виде они сохранились до наших дней.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Льюис Спенс

Таинства Египта. Обряды, традиции, ритуалы

Предисловие

Уже почти сорок лет моя жизнь посвящена поиску того потаенного, что спрятано в таинствах царей Египта, познанию и воссозданию их секретов. Но только недавно я смог изложить все мои мысли по этому поводу в более или менее логичной форме. Дело не только в том, что сам предмет исследований смутен и непонятен, как мало какой другой. Здесь исследователь решился нарушить священное молчание одного из наиболее закрытых братств во всей истории философии.

Освещать нам трудный путь будут два ярких маяка – вдохновение и аналогия. Той школе археологии, которая, будучи начисто лишена вдохновения, отрицает и презирает его, я могу лишь сказать, что оценить значение вдохновения смогут лишь те археологи, которые с подлинным восхищением смотрят на все это. Действительно, разве не при помощи «метрической» школы, самой эмпирической из всех и бессознательно строящей свои выводы на основании давно дис-

кредитировавшей себя философии чисел, Пифагор искажил земную мудрость, из которой понимал лишь малую толику? Если в абсолютных стандартах есть какая-то добродетель, то она тем более есть и в археологии, которая работает при помощи установленных правил и теодолита. Однако абсолютные стандарты и ритуал всегда являются основой основ магии всех низших культов!

Если на последующих страницах вдруг появятся какие-то шероховатости, я могу оправдать их только тем, что это первая книга, написанная на английском языке на эту тему, запутанную, как сам хаос. Предпринять путешествие в царство древней ночи и нарисовать его план – такая задача по сложности не уступает попыткам составить карту только что открытого континента. Везде мрак, и лишь то там, то здесь возникает слабый свет или всего лишь призрачное мигание. Но если мы изучим эти сложнейшие системы, о которых сейчас имеем лишь общее представление, и применим их к мистериям долины Нила, то разве мы так уж ошибемся, особенно если общепризнано, что источники, из которых мы черпаем, сами явились результатом вдохновения или даже были созданы жителями Египта?

Что касается глубинных загадок таинств Египта, то я, естественно, не могу словами изложить больше, чем мои предшественники, – по той простой причине, что, как в любой региональной аутентичной системе, эти тайны познаются и передаются ощущениями, а не словами, которые не спо-

собны помочь человеку изложить информацию, касающуюся абсолютного. Я ничего не говорю о праве на это, поскольку не обладаю соответствующей властью, которой, кстати, не обладает ни один человек на свете. Посвящение в тайны древних традиций и их осознание – это акты духа, отделенные самими Небесами от их звукового выражения. Но все же я верю, что воссоздал обряд египетских мистерий, по крайней мере в его общей форме, и проторил дорогу для тех, кто искренне желает приблизиться к тем древним школам, которые во все времена и во всех странах пытались вести душу человека к единственной цели – к воссоединению с божественным.

Я в большей степени, чем мои предшественники, использовал в своей работе антропологический метод доказательства. Мистики, которые склонны презрительно относиться как ко всему антропологическому (как и антропологи, которые презирали само слово «вдохновение»), зачастую пренебрегали этим методом. Но я полагаю, что все же не лишил предмет моего исследования очарования чуда (которое для мистика – то же самое, что для поэта – поиск прекрасного, а для моряка – любовь к морю) и не рассеял благородные тени, которые, как колонны, возвышаются перед великими тайнами души. Если бы нам было дано знать все, это означало бы стать старыми и пресыщенными. Однако Бог гарантирует нам вечный поиск, посвящение, изучение непознанного, а значит – вечное удовлетворение любопытства, при-

сущего человеку.

Л. С.

Глава 1

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Ни одна другая страна, кроме Египта, который является родоначальником магии, не может похвастаться такой богатой историей мистики и оккультизма. Сама страна-загадка, Египет стал родиной таинств (чем заложил основы тайной науки и философии будущего) и прообразом философии высшей мудрости, которая изумила последующие века.

Однако даже для самых глубоких исследователей Египта таинства этой страны оставались всего лишь некоей абстракцией – выдумкой или, возможно, сложной оболочкой, не имеющей реального наполнения, поскольку ни один человек не мог с уверенностью говорить о ритуалах и чудесах, происходивших в стенах египетских храмов, инициациях, испытаниях и обрядах посвящения египетских служителей культа.

Однако мало-помалу облака, окутывающие египетскую философию, начинают рассеиваться – подобно тому, как солнце своим золотым пальцем проникает в самые темные расщелины. Хотя всего мы так до конца и не узнаем, но при помощи ценнейшего оружия, аналогии, мы можем отыскать сходства и подобия и на этом будем основывать свои выводы.

Мы знаем, что греческие таинства, в частности элевсин-

ские, дионисийские (вакхические) и кабирийские (кабиры – древнегреческие божества, видимо, фригийского происхождения). Считались божествами плодородия, их почитание было связано с культом Деметры, в дальнейшем – и покровители мореплавания. – *Ред.*) тайные обряды, являются всего лишь побегам основного древа – а именно египетских мистерий (родство есть, но сказать, что все возникло от египетского «древа», нельзя. Скорее от некоего общего древнейшего «древа». – *Ред.*). Отталкиваясь от их деталей и сравнивая их с документальными свидетельствами (то есть образцами живописи и скульптуры), мы смогли в большой степени восстановить систему обрядов инициации в храмах Осириса и Исиды, драматических представлений, разыгрываемых в ходе совершения обрядов, и догадаться о сути их самых потаенных секретов. Таким образом, тончайшая ткань египетской тайны может быть восстановлена, по крайней мере в виде древнего храма и древних камней в захоронениях, извлеченных из земли и воссозданных.

Настоящей целью и смыслом египетских мистерий была подготовка к высшей жизни, гораздо более возвышенному духовному существованию, чем существование земное. Не подлежит сомнению, что в основе их обрядовости лежала гораздо менее возвышенная цель, а ее ранняя форма скорее была нужна для обеспечения материального благосостояния астрального тела на следующем уровне и защиты от злых сил, которая достигалась благодаря идентификации с тем

или иным божеством, чем для достижения высшего духовного единения с богами. Древние египтяне, как и все остальные древнейшие народы, верили, что успех существования после жизни напрямую зависит, сколько еды и различных напитков получит душа (или Ка) умершего человека от семьи покойного. Если им вдруг не удавалось обеспечить Ка постоянными подношениями продуктов и напитков, то умерший (как они полагали) непременно должен был превратиться в страшное, пожирающее всех существо – возможно, что-то вроде вампира у некоторых балканских народов, охотящееся на своих собственных родственников, чтобы добыть пищу для поддержания своей «жизни» в загробном мире.

Позднее это абсолютно варварское представление несколько облагородилось, но сама идея о том, что мертвые должны получать для себя пищу от живых, сохранилась. Однако одновременно появились идеи продолжения жизни в каком-то особом раю, а также того, что попасть туда можно при помощи магии. Религия Египта была посвящена исключительно тому, как надлежащим образом миновать все опасности, поджидавшие души умерших на пути к раю, и достичь райских Сфер Аалу. Точно так же тайные обряды, судя по всему, возникли исключительно для того, чтобы дать высшие инструкции относительно того, как лучше всего достичь загробного мира и как подготовиться к жизни там.

Далее читатель познакомится с точным описанием того, каким образом душа умершего человека могла достичь Бла-

гословенных Полей, и со всеми подробностями этого долгого и трудного путешествия. В этом же предисловии необходимо прежде всего дать общую природу и значение таинств, а не детально знакомиться с каждым из них. Многие авторы выдвигали свои собственные объяснения причин, по которым эти таинства окружены такой завесой секретности. Возможно, наименее правдоподобной представляется версия, предложенная Джевонсом при описании греческих элевсинских таинств. Он высказал предположение, что любой, кто вольно или невольно принимал в них участие, неизбежно страдал «болезнью святости» – страхом перед тем, что любой контакт между святым и нечистым представляет собой опасность (и для того и для другого).

Такое «объяснение» характерно для доводов, выдвигаемых представителями антропологической школы. Оно не только слишком заумно, но и слишком нереально. Отрывок, в котором выдвинуто приведенное предположение, заслуживает более внимательного рассмотрения, потому что оно представляет собой типичную «научную» точку зрения.

Говоря о превращении культа греческой и элевсинской Деметры в таинство, Джевонс замечает, что современные ученые этому моменту уделяют мало внимания:

«То, что этому важному моменту уделяется мало внимания, возможно, объясняется тем, что долгое время превалировало мнение, будто главным атрибутом таинства является его секретность, и что главная задача состоит в том, чтобы

приоткрыть завесу этой секретности. Предполагалось, что потаенная мудрость и эзотерические доктрины передаются от священнослужителя к священнослужителю, и уже ими под большим секретом все это доверялось отдельным посвященным. Однако сами таинства не были никакими темными обществами: они были открыты всем без исключения; и любой человек мог пройти инициацию на любой уровень, даже самый последний, то есть высший¹.

Жрецы также не представляли собой некоего закрытого ордена. Они были обычными гражданами, не имеющими превосходства над другими благодаря своему образованию или политическому или общественному положению. Поэтому они не обладали никакими особыми, глубинными знаниями в вопросах религии и, как мы уже говорили, весь греческий мир имел абсолютную возможность изучать то, что ему полагалось. Но жрецы не были пасторами или учителями: их официальные обязанности состояли в том, чтобы знать и выполнять традиционные ритуалы. Нет ничего тайного в теории бессмертия и благословения тех, кто принимал участие в таинствах: на нее же ссылаются Пиндар, Эсхил и Софокл; Аристофан пародирует ее, а в гомеровском «Гимне Деметре», который был, так сказать, издан официально, эта теория провозглашается ярко и выразительно. Поэтому вовсе не удивительно, что любой, желающий пройти инициацию,

¹ Это не совсем так, как мы увидим позже. К примеру, неопиты проходили тщательнейший отбор.

не приносил никакой клятвы о «неразглашении тайны».

Далее Джевонс говорит, что «в действительности причиной возникновения пресловутой завесы секретности было не желание сохранить таинства в секрете, но боязнь того, что контакт между святым и нечистым может представлять опасность для обоих». Прошедшие инициацию соблюдали молчание не ради того, чтобы скрыть какую-то тайну, но «чтобы не допустить загрязнения и сопутствующих ему опасностей». Завеса секретности, окружавшая таинства и связанные с ними обряды, была «случайностью и не задумывалась специально как орудие сохранения какой-либо тайны».

Однако утверждения многих авторов, которые сами прошли обряд посвящения, свидетельствуют об обратном. Геродот весьма недвусмысленно заявляет, что «для него было бы проявлением богохульства» раскрыть тайные обряды и прикоснуться к «этим таинствам, которые, все без исключения, известны мне – пусть губы мои хранят религиозную тайну». Давайте особо выделим слово «религиозный». Оно не обязательно подразумевает опасность загрязнения. Оно, очевидно, относится к гораздо более опасному результату – опасности навлечь гнев богов, обнародовав секреты, которые они предпочитают открывать только подготовленным и искушенным в религиозной науке и вере, а не широким массам. К этому следует также добавить народное возмущение, направленное на Эсхила и Аристофана, которые рассказали в своих работах о секретах, связанных с греческими таин-

ствами.

Несколько лет назад жрецы, которые поддерживают таинства культа Хурунари на берегах реки Уаупес (в верхнем течении, в пределах Колумбии, называется Ваупес) в Северо-Западной Бразилии, были так разгневаны и оскорблены обнаружением останков этого божества двумя французскими миссионерами, что приказали убить каждую десятую женщину племени – дело в том, что секреты Хурунари недоступны женщинам. Свой приказ они обосновали тем, что Хурунари «рассержен». И дело было не в том, что «нечистые запятнали образ бога». Дело в том, что потаенные символы оказались достоянием гласности и, «естественно», божество было разгневано этим: ведь являлось недопустимым, что к его священным символам прикоснулись те, кому было не положено, и тем более завладели сакральными предметами.

Как видно из самого этого слова, таинства должны соблюдаться, потому что правда не должна становиться публичным зрелищем. Чтобы сделать таинственное обычным, его следовало низвести до уровня повседневной жизни и, более того, придать его символическому значению больше значения, чем реальной или потаенной истине, сделать его настоящим преступлением, прегрешением против Святого Духа, развенчанием его одним предположением, что то, что является его материальным воплощением, одновременно представляет собой его неосязаемую сущность. Неспособность грубого и лишенного основы разума увидеть разницу между

символом и истиной, которую он олицетворяет, как раз и является реальной причиной того, что таинства всегда окутаны завесой секретности².

Именно по вышеупомянутым причинам мудрецы всех времен стремились оградить от испорченных и невежественных субъектов те высокие истины и чистые идеалы, одно размышление над которыми поднимает человечество над всем земным и обыденным. Лишь немногие сумели прикоснуться к этим знаниям без посторонней помощи или благодаря многолетним занятиям и размышлениям, хотя каждое поколение рождает людей, которые благодаря своему уму или духовности приближаются к вратам, охраняющим великую тайну, и даже входят в них. Однако подобный гений всегда ассоциативен по своей природе. Ведь как ни один человек не может с успехом заниматься всеми областями науки (причем как теоретическими, так и практическими), так и никто не может выйти за пределы общего представления о гораздо более возвышенной науке, которая, за неимением лучшего термина, называется магией или Великим искусством.

Кто может сомневаться в том, что это искусство стало неотъемлемой частью обрядов и ритуалов таинств Египта? Разве только те, кто, ослепленные собственным самодовольством и собственными заблуждениями, смешивают микрокосм с макрокосмом, а гения духа – с его земным воплоще-

² Как мы увидим, осознание тайного смысла символа является неотъемлемой частью истинной инициации.

нием. В повседневной жизни можно встретить тысячи людей, которые злонамеренно и бессовестно используют божественный дар музыки, поэзии и художественного вкуса, низводя эти священные вещи до своего низменного уровня. Точно так же и в гораздо более возвышенных сферах магии, тенью и эманациями которой являются эти виды искусства, мы видим лжепасторов, которые целиком и полностью посвящают себя изучению лишь материального мира и пренебрегают высшими, духовными ценностями, которые они презирают и ненавидят из-за своего природного несовершенства. Когда пишется история прошлого века, ни один период не будет окрашен такими мрачными тонами, как тот, когда люди в своем богохульстве и в своих заблуждениях отказываются рассматривать Вселенную как тайну и начинают относиться к ней лишь как к материи. Однако ответ на эту ересь не заставляет себя ждать, и провозвестники более светлой эпохи понимания и большей скромности штурмуют стены рассыпающейся крепости науки, построенной на слишком зыбких и ненадежных песках.

Жрецы Египта не могли впасть в эту пропасть заблуждений по той простой причине, что они сочетали науку с истинным знанием и пониманием сверхъестественного. Они также не сделали ошибки, которая свойственна многим современным мистикам, – они не стали полностью отрицать науку, понимая, что наука – это производное от магии, ее необходимая составная часть.

Однако неофиты могут приблизиться к магии, только обладая чистым разумом. Последователь Платона Томас Тейлор недвусмысленно говорит об этом: «Я утверждаю... что различные обряды очищения, являющиеся составной частью этих ритуалов, символизировали градацию добродетели, необходимую для воскрешения души. Первая часть этого утверждения вытекает из свидетельства Платона, в котором он утверждает, что конечная цель таинств – вернуть нас к нашим истокам, к тем принципам, из которых мы вышли. Потому что если бы таинства были лишь символами, как это считается, то это было бы верно и в отношении очищения как части таинств. И поскольку внутренняя чистота, внешнее проявление которой является символичной, может быть достигнута только через проявление добродетелей, то отсюда вытекает, что обряды очищения были символами очищающих нравственных добродетелей». Ну а вторая часть утверждения с легкостью вытекает из отрывка из «Федра» Платона, в котором он сравнивает инициацию и наблюдение с божественным видением разумных существ, так как только это занятие может принадлежать к энергии созерцательной добродетели.

Именно об этом однозначно заявляет Олимпиодор в своем комментарии к трудам Платона, когда говорит: «Сначала во главу угла становится доступное очищение, и лишь после этого возникает элемент таинства. Ну а после этого в единое целое собираются самые различные элементы, кото-

рые впоследствии тщательно изучаются и сортируются. Поэтому этические и политические добродетели являются аналогами внешнего (или присущего людям) очищения. Однако такие «очистительные» добродетели, как отказ от всех внешних влияний, сродни оккультному очищению. Теоретические энергии, направленные на познаваемое, аналогичны собиранию; однако концентрация этих энергий в неделимой природе соответствует инициации. А простейший самоанализ простых форм сродни взгляду посвященного».

Совершенно очевидно, что приведенный выше отрывок нуждается в некотором пояснении, поскольку написан он слишком темным и сложным языком. Понятно, что под «доступным очищением» понимается обрядовое омовение тела, в то время как далее идет упоминание о «тайном очищении души», которое достигается путем уничтожения всех злых мыслей и идей. Что касается «собираения различных вещей в одно целое», то это всего лишь довольно неуклюжий философский термин, подобный тем, к которым прибегали греческие мыслители в своем стремлении к простоте выражения. Это означает, что все ритуалы и церемонии, которые существовали до этого, теперь были извлечены из небытия и пересмотрены с точки зрения их воздействия на отдельного человека (то есть помогали они ему или нет).

Нам также говорят, что «этические и политические добродетели – это аналоги внешнего очищения». То есть очищение разума и души имело место так же, как и очищение

тела, за исключением того, что это, естественно, происходило на более высоком уровне и носило символический характер «собираания», то есть это – философская группа идей³.

Это – аналог переоценки и осознания сублимированного, причем для понимания и того и другого необходима логика. При этом высшая логика необходима для осмысления более возвышенного. Сжатие этих идей в одну сродни инициации, то есть цель инициации – это подлинное осмысление и понимание одной великой правды. Поскольку одна великая правда включает в себя все более мелкие правды и все понимание, то когда эта великая правда открывается полностью, весь аппарат божественной мудрости становится достоянием инициированного.

Мастерам египетских таинств на самом деле повезло, прежде всего, потому, что их теология была лучше приспособлена к полному пониманию сублимированного, чем те религиозные доктрины, которые возникли из религиозных учений Европы в последние пятьсот лет. Находясь в постоянном контакте с абсолютной простотой ранней формы религии или божественного знания, египтяне были более способны уловить прямые, ничем не замутненные принципы общения между человечеством и божеством. Сегодняшний слушатель курса сравнительного религиоведения уже по этой причине иногда может быстрее и глубже понять проблему божественной связи, чем чистый теолог, который зача-

³ И выставление напоказ тайных символов.

стью недостаточно знаком с ранними стадиями развития религиозной мысли. Изучив даже самые древние религиозные представления, мы часто глубже понимаем всю значимость всей религии в целом, чем если бы мы строили свое познание только на предположениях более продвинутой теологии, ставшей застывшей, квазиглубокой и диалектической. В действительности религиозная наука защищает себя и отрицает все поистине научные методы, когда начинает рассматривать сам предмет религии с точки зрения современного религиозного опыта и псевдофилософии, а не изучения достоверно подтвержденных фактов существования древней религии.

Египетские жрецы не могли заблуждаться таким образом – и не только потому, что были свободны от софистики подобной нашей современной (то есть просто не были с ней знакомы), но и потому, что их собственный опыт не намного ушел вперед от этих простейших, чистейших и непосредственных способов общения с Божественным. Для древнего человека Бог был гораздо более реальным, чем для позднейших поколений. Современное незнание Божественного происходит из ошибочной идеи, считавшей теологию наукой, способной к движению вперед и развитию знания, а также из пренебрежения забытыми, вышедшими из пользования древними методами связи с Божественным. Небывалое смешение самых разных идей, социальных и этических, которое наблюдается в современном мире, по сути, есть следствие невежества и непонимания того единения с Божественным

и личной связи с Создателем, которые так четко осознавали люди Древнего мира, имевшие тем самым более прочную основу для развития мысли.

Одно обстоятельство яснее, чем другие, – это то, что древний человек не только ценил возможность личного единения с Богом, но и использовал ее в своей повседневной жизни. Именно личное общение с Создателем – сознательно или бессознательно – руководило всеми действиями и мнениями человека Древнего мира. После первого этапа хаотических поисков истины человек пришел к четкому осознанию того, что духовная (или высшая) Вселенная на самых различных своих уровнях проникает в глубь материи и просто-напросто является ее высшим проявлением, хотя и не ограничена ее пределами. Древний человек был просто убежден в существовании Создателя – Бога. Покойный Эндрю Ланг убедительно показал, что параллельно с предрассудками, причудливыми верованиями, поклонением животным и т. д. у древних людей существовало ясное и четкое представление о «великом не природном человеке», «боге над всеми богами».

Это представление основывалось на инстинктивном, врожденном ощущении, которое лежит в основе всех религиозных знаний и чудес, в основе самого христианства. Ведь Бог – это и человек, а человек, человечество – часть божественной природы, то есть Бог и человек представляют собой единое и неделимое целое, эманацию того великого, все-

побеждающего духа, пронизывающего материю, которая, в свою очередь, является его осязаемым и видимым проявлением.

Такие простые истины – они гораздо более впечатляющи и велики, чем все теологические выводы, именно в силу своей простоты – были хорошо известны искренним в своей вере и хорошо образованным египетским жрицам. Это доказывают дошедшие до нас древнеегипетские тексты и надписи на надгробиях. Истины эти были забыты или цинично отброшены в сторону, как детские фантазии древности, когда их значимость была существенно снижена ненужными и бесполезными «трудами» псевдофилософов. Откровения христианства стали попыткой восстановить эти истины. Я искренне верю в то, что это было прямым вмешательством Высшего Разума, предпринятым, чтобы заставить человека осознать, что разрушение этих инстинктивных и имеющих божественное происхождение способов соединения с Богом было его величайшей ошибкой. Вся христианская мифология ясно указывает на это. Аллегорическое описание падения человека, изначальная необходимость духовного возрождения и стремление к постоянному общению с Богом иллюстрируют необходимость воссоздания процессов, раскрываемых в ходе совершения таинств. Это те эзотерические процессы, при помощи которых человек духовно и лично общался со своим Создателем и архетипом, властью которых он надеялся наконец достичь их пределов.

То есть в своем высшем проявлении христианство, по сути, является продолжением и возрождением древних таинств. Разве это не видно из христианских аллегорий? Разве низвержение в преисподнюю, воскрешение и божественное возрождение души не являются самыми глубокими и важными идеями таинств, которые только может охватить человеческий ум? Невозможно говорить о египетских или греческих таинствах как просто о «языческих», поскольку христианство в его мистической части является их прямым преемником и продолжателем. Общеизвестно, что христианство разработало и ввело более возвышенную и одновременно более практичную систему поведения и нравственности. Однако следует помнить: все самые худшие предрассудки предшествующих христианству религий имели мало общего с высшими идеями, культивируемыми набожными жрецами Египта.

Французский египтолог А. Море признает истинную природу действия, посредством которого мистика Египта оказала свое воздействие на христианство. Это доказывается очень ярким и убедительным отрывком из его книги «Цари и боги Египта», где он говорит:

«Кредо Исаака понравилось людям именно тем, что оно апеллировало непосредственно к человеку. Холодная и формальная религия Рима, которая ставила между человеком и Богом посредника – священника, не сумела дойти до человеческого сердца или пробудить в нем некий энтузиазм. Почти-

татель Исида, распростертый в состоянии экстаза у ног богини, передавал откровения не в слове, а в духовном порыве, от всего сердца и с искренней верой. Мистицизм начался именно в тот день. Исида стала его собственным священнослужителем; Бог перестал быть далеким божеством или неким посредником, назначенным государством для связи с ним, он стал другом-наставником и «вечной красотой и радостью». Каждый человек «владеет Богом, который является отцом всех людей и продолжает делать добро по-своему»...

Мистика культа Исида в то же время носит аскетичный характер. Чтобы познать Бога, человек должен жить трезво и чисто и умереть ради этого мира. Что же до греческой философии, то она, напротив, учила человека «прожить свою жизнь» и искать высшее добро на земле при помощи мудрости, логики и правоты. Восточные таинства, возможно, также передали Цицерону и другим посвященным жажду прожить полную радости жизнь. Исида обещала Луцию, что он будет наслаждаться долгим земным счастьем. Однако высшее счастье – это благо следующего мира; это – надежда, которую дают посвященным, а позже – христианам. Под влиянием восточных религий чаяниям людей придается совершенно новый характер. Жизнь желанна, однако, заключенная в тиски смертного тела, она – всего лишь подготовка, станция на дороге, ведущей к смерти. Человек навсегда победил свой страх перед неизвестным. Еще один шаг, и он будет презирать все земные радости, а глаза его бу-

дут устремлены навстречу вечному блаженству, обещанному Христом!»

Из-за глупости модернизма божественная магия – истинное и полное осознание божества – была для человечества частично потеряна. Однако всегда оставался последний представитель посвященных, который, обладая сверхъестественным и инстинктивным знанием и верой в то, что человек может напрямую общаться с божеством, не только обладал этой чудесной магией, но и изо всех сил пытался восстановить мир. Подобно людям, стремящимся создать новое искусство или новый закон, не имея ничего, кроме собственной веры, эти посвященные были вынуждены в силу обстоятельств бороться с тьмой и унынием мертвых бездушных веков. Их вела за собой одна лишь звезда их собственных надежд и их собственная интуиция.

Однако в последнее время эта тропа вновь осветилась сиянием нового источника. Сейчас новый свет озарил древние верования мира – благодаря трудам изучающих сравнительное религиоведение, египтологов, историков, археологов и всех остальных, чьими усилиями были найдены и переведены древние манускрипты. Очень часто все это нельзя считать не чем иным, кроме как простым инструментом в руках Божественного в его стремлении восстановить мир древней мудрости, которая долгое время пребывала в забвении. Слишком редко сами исследователи понимали истинную природу и значение того, что они извлекли из темноты

и смогли очистить от шелухи среди преданий и верований древних людей, находя там жемчужины великой тайны.

Таким образом, скрытая природа религии, а также истоки и происхождение таинств были раскрыты благодаря зачастую незаметным усилиям современных тружеников на ниве фольклора и смежных наук. Дело не в том, что именно такие люди оказались способными понять суть сделанных ими открытий, и не в том, что они обладали своего рода «шестым чувством», которое помогло им соотнести свои догадки с жизненно необходимыми потребностями человечества или увидеть в них ключ к потерянной мудрости прошлого. Но с тех пор человеку, обладающему верой и интуицией, больше не надо искать путь к этой мудрости практически вслепую. Теперь систематизированные открытия современной науки предоставили в его распоряжение огромный объем информации, касающейся начал и обрядовой стороны той магии, которую до этого он оценивал исключительно на уровне инстинкта.

В период, когда Геродот был посвящен в таинства Египта, произошли значительные изменения в практиках стражей этих таинств и в их обрядовой стороне по сравнению с древними временами. Частично это становится ясно из сравнения освещения этих таинств Геродотом и египетским чиновником Ихернофретом несколькими веками ранее. Суть в том, что современные исследователи выяснили, что магия, подобно религии, разделяется на формальную и обрядовую.

Как только выясняется, что некая форма посвящения, молитвы или заклинания оказывается эффективной в одном случае, то сразу же делается вывод, что такая форма должна быть эффективна всегда. Более того, интонациям голоса, произносящего заклинания, соответствует набор строго определенных и повторяющихся жестов и действий, потому что в противном случае заклинание не работает.

Человек не оригинален по своей природе и слишком быстро начинает делать те же ошибки, которые совершали его предшественники. По всей вероятности, древние мастера требовали, чтобы их ученики использовали те же самые приемы слова и действия, к которым прибегали они сами, считая их эффективными в общении с богами. Естественно, что последствия такой практики были вполне очевидны и предсказуемы. Выработывался строго определенный ритуал, который со временем не мог не превратиться в пустой и бессмысленный обряд, изначально лишенный духа и привлекательности.

Я считаю если не ересью, то, по меньшей мере, глупостью, когда полагают, что строгое соблюдение некоего обряда является абсолютно необходимым для того, чтобы молитва, заклинание или некое действие, обращенное к Богу, привели к желаемому результату. Думать так – значит ставить магию на одну доску с наукой, где, как известно, определенные действия приводят к определенному результату. Я бы даже назвал богохульством попытки «привязать» божественную си-

ду к некоему определенному набору действий. В любом случае я считаю, что слепое принятие этой теории – а теория есть стигма и проклятие в низшей магии – стало главной причиной (если вообще не единственной!) того, что из божественной стороны жизни человечества таинства практически (по крайней мере, официально) исчезли. Их ритуалы изжили себя, их язык стал архаичным и непонятным, а их внешняя сторона – то есть самая важная – стала абсолютно бессмысленной и превратилась в убогое представление нищих странников.

Но не поймите меня превратно. Я не хочу сказать, что там, где проложена первая робкая тропа, она не может превратиться в хорошо наезженную колею. Ведь символизм, по крайней мере, столь же живуч, как и идеи, давшие ему жизнь, при условии, что его аллегории верны, а идеи в достаточной степени справедливы и глубоки. По сути, это единственный способ передачи основополагающих идей. Но в магии обязательно должно оставаться место для индивидуальности. Мы говорим, что «человек – это стиль его письменной речи». А в магии некий привкус личности должен стать неотъемлемой частью действия, молитвы или обряда, чтобы сделать их эффективными. Более того, в этом действии должна принимать участие душа совершающего его.

Именно мысль и намерение, а не обряд, действие и интонация заставляют абсолютный дух действовать в соответствии с желаниями человека. Но и здесь постарайтесь понять

меня правильно: любой опытный мистик знает высшую ценность театрального жеста и верной интонации. Обряд низших таинств был богат всякого рода драматическими действиями и церемониями, которые имеют особую ценность для подготовки ума и души к восприятию таинства. И это должно остаться неизменным. Человек не должен отбрасывать в сторону привычное лишь потому, что оно лишь аллегорично и менее значимо; да это и невозможно сделать в силу его уникальности.

Однако, повторяю, именно мысль, цель и намерения имеют значение в истинно мистическом и магическом. Чтобы вызвать ответную реакцию Абсолютного Духа (если такой термин можно употребить применительно к чистому духу, вечному и всемогущему), движущая суть должна хоть в какой-то степени напоминать Абсолютный Дух, стать частью свойств, добродетелей и могущества, которые она желает привлечь. Но не сочтите это гарантией выполнения всех желаний, как это делали безбожники прошлого и глупцы, коих немало среди псевдомистиков. В действительности Абсолютному Духу не нужно никакое привлекательное, постороннее влияние, чтобы осознать потребности его части или человека. Он скорее требует, чтобы это существо символически проинформировало его, окружило его определенным ощущением, чтобы материальные условия, в которых он существует, коснулись его и дали ему возможность отреагировать на его призыв. Абсолютный дух не может реагировать

на жест и интонацию только потому, что они лишь спутники материи, постоянные напоминания тому, кто использует их, что такие ничтожные препятствия должны быть преодолимы, если он хочет подняться на тот уровень, о котором просит.

Однако со временем мудрецы Египта ошибочно стали обращать все внимание на чисто обрядовую сторону таинства – как, собственно, и их «братья по духу» Месопотамии (Шумер и его компиляторы и наследники – Аккад, Вавилония и др. – *Ред.*). Юкатана (классические майя и их наследники. – *Ред.*) и всех стран и религий, – что есть убедительное доказательство того, что они все же сохранили истинный дух древних таинств до самых последних дней отправления египетских культов. Многие тексты красноречиво свидетельствуют об их необыкновенном уважении к священному. Это уважение, которое все мудрые люди высказывали по отношению к святому, ведь только легкомысленные глупцы не понимают истинного характера внешней стороны таинства, оскорбляя то, что они не понимают. Как и сегодня, сидя дома или на работе, люди высмеивают интонации и жесты, которым они аплодируют на публичных выступлениях, так и циничные греки и легкомысленные сирийцы смеялись над тем, что они называли «египетским фиглярством». Мы видим, что даже апологет христианства Арнобий (ум. 327) неподобающим образом насмеялся над «кривляньем» великих жрецов Египта, как над чем-то ребячливым и глупым, и не мог по

достоинству оценить тайну, скрытую за действием и символом, из-за врожденной неспособности нырнуть в такие глубины духа.

Для египетских жрецов храмы были не столько обиталищем богов, сколько их местом отдыха на земле, а образы божественных существ представляли собой некие сосуды, которые боги могли в некий момент наполнять своей божественной сущностью и общаться с человеком. Жизнь и уровень общения в таких храмах были невыразимо возвышенны; возможно, никогда до или после в истории человечества в храмах не было такой атмосферы святости. В их пределах не допускалось даже намека на зло, богохульство и нечистоплотность. И именно они были самым подходящим местом для совершения таинств, целью которых была подготовка человеческой души к контакту с ее Создателем.

В этих величественных, исполненных молчания храмах, которые, казалось, позаимствовали свою грандиозность у вечной тишины, создавалась нужная обстановка и атмосфера для воскрешения в памяти божественного, для установления контакта с ним и достижения высшей степени его осмысления. Нельзя сказать, что то же самое было совсем уж невозможно где-нибудь на рыночной площади, но мудрость, это редкое порождение спокойного и возвышенного духа, убедительно свидетельствует о том, что для непосвященного, делающего первые шаги в область тайного, тишина и тень столь же необходимы для размышления и молитвы,

как солнце и дождь для растения. В действительности молчание и сумрак – это свет и жизнь сокровенного существования, защита развивающегося духа от материального мира. Ведь этот развивающийся дух, подобно младенцу в утробе матери, должен быть абсолютно защищен от вредного влияния внешнего мира, если он хочет выжить и появиться на свет здоровым.

Таким образом, эти исполненные молчания кельи, столь подходящие для инициации, были для еще не развитых душ своеобразными перегонными кубами, где они прикасались к тайне духовного возрождения, которое, собственно, и есть конечная цель любых таинств. Там неофит ждал, пока внутренний голос (то есть голос самого бога) не подсказывал ему, что он готов к любым испытаниям. Испытанием было уже само стремление к этому постижению тайны, готовившее его душу и сердце к новым горизонтам. Возможно, читатель, сидящий в каком-нибудь древнем храме, где сосредоточены священные традиции, постепенно начинает испытывать благоговейный трепет перед обстановкой этого храма. Это мимолетное чувство восторга и поклонения не идет ни в какое сравнение с тем восторгом и страхом, которое испытывал неофит, сознательно посвящавший себя служению богу на гораздо более возвышенном уровне, который скоро должен был открыться ему.

Бог дает каждому веку свое собственное откровение, наиболее подходящее его условиям. Но кто может сказать, что

Древний Египет не был удостоен самого высшего и благороднейшего откровения, когда-либо нисходившего на эту землю? Ведь нигде и никогда мир не знал такой святой и возвышенной величественности.

Отношения египетских таинств с таинствами элевсинского и орфического культов – это отношения матери и дочери. И именно благодаря тому, что мы можем узнать, собрав по крупицам мельчайшие подробности о последних, мы способны расширить свои знания о первых.

Далее мы еще будем касаться связей египетских таинств с эллинскими. Однако следует еще внимательно проанализировать отношение греков ко всему мистическому. Мы знаем, что в начале греческой истории орфические таинства процветали, а они, согласно Геродоту и другим, имели египетские корни. Именно из этого культа великая мистическая школа Пифагора заимствовала свои идеи о странствиях души и внутренне присущем ей стремлении к очищению. В философии Гераклита мы находим, пожалуй, самое точное описание идей, стоявших за таинствами целой череды эпизодов пантеизма.

В своей работе «Великая тайна» Метерлинк, кажется, проникает в самое сердце греческой мистической теории, когда он говорит, что важнейшие части ее древней философии, а именно – те, которые касались Высшей Причины и Непознаваемого, «были постепенно забыты классической теософией и философией и стали, как в Египте и Индии,

прерогативой высшей касты жрецов, скрывшей основы знаменитых греческих, а в особенности элевсинских таинств, за завесу секретности которых никому не удавалось проникнуть». Однако непознаваемые элементы, которые существовали в мифах, были сами по себе достаточны для того, чтобы разрушить в новичке веру в богов черни, «хотя одновременно он начинал понимать, почему идея, столь опасная для тех, кто не был в состоянии понять ее, должна была оставаться оккультной. Вероятно, за высшим откровением не стояло ничего другого, потому что, очевидно, человек не в состоянии постичь никакой другой тайны: никогда не существовало и не будет существовать формулы, которая даст нам ключи от Вселенной».

Однако, судя по всему, неопит инициировался в оккультную науку более позитивной природы – такой, которой владели египетские жрецы. Должно быть, его обучали способам достижения единства с божественным или погружения в божественное посредством транса или экстатического состояния. Об этом пишет Метерлинк, и он отмечает, «что в это состояние их вводили при помощи гипнотических методов, куда более совершенных, чем наши». В нем, по сути, развивались все мистические силы подсознания. Однако, хотя можно привести много доказательств этого в связи с египетским культом, я, сознаюсь, не могу обнаружить такого же числа этих доказательств в эллинских государствах.

Однако Метерлинк не верит, что оккультное братство

Греции владело гораздо большим числом великих секретов существования по сравнению с тем, что дошло до нас через религиозные знания. Тогда еще просто невозможно было знать больше, а если бы это и было известно, то «мы тоже должны знать это, ведь вряд ли возможно, чтобы такой секрет не стал бы достоянием всех, если бы тысячи людей обладали им уже тысячи лет». Однако совершенно очевидно, что более раннее мистическое знание в его совершенной и великой простоте было практически потеряно уже в период расцвета элевсинских таинств, которые были всего лишь жалкой попыткой позаимствовать древнее знание египтян, и что обладатели такого потаенного священного знания вряд ли могли раскрыть полную или чистейшую истину.

Однако господин Метерлинк тем не менее утверждает, что хранители греческих таинств владели секретами неизвестных сил природы в гораздо большей степени, чем современные ученые. Но, благодаря этим знаниям, достигли бы они таких высот, если бы к тому же не обладали великим и простым, величайшим из всех секретом?

Тем не менее Метерлинк настаивает на том, что хранители греческих таинств обладали секретами непознанных сил природы в гораздо большей степени, чем современные ученые. Тогда благодаря какому знанию они достигли этих высот, если они не владели тем величайшим на земле великим и простым секретом? Метерлинк пытается оправдать свою гипотезу, указывая на архитектурные памятники египтян,

которые столь велики и грандиозны, что создается впечатление, будто они – чуть ли не результаты действия оккультных сил. Но это – дикий мистицизм, и он прекрасно иллюстрирует опасность голословных и абсолютно ненаучных высказываний, которые столь свойственны мистикам, ранее не удосужившимся познакомиться с архитектурой прошлого. В том, как возводились египетские пирамиды и обелиски, нет ничего оккультного, и египтологам хорошо известны способы, которыми пользовались египтяне. Это не значит, что эти строения не могут иметь оккультного или символического значения, но далеко от утверждения, что они были возведены какими-то «непостижимыми способами», которое способствует распространению вздорных теорий, заставляющих нас верить в то, что любая известная тайна древности, а значит, и современности «заключена» в архитектуре и форме древних пирамид. Истинный мистицизм нуждается в защите от той чепухи, которая превращает его в презренную науку и ведет к его уничтожению⁴

⁴ Я также не могу привести достаточных доказательств того, что таинства совершались именно внутри пирамид. Там, безусловно, совершались погребальные обряды фараонов, и их связь с таинствами, собственно, и является единственным обоснованием этой теории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.